

Глава 1

Дора Гринфилд ушла от мужа потому, что боялась его. По той же причине полгода спустя решила к нему вернуться. Разлука с Полом, который преследовал ее письмами, телефонными звонками и звуками мерещившихся на лестнице шагов, обернулась еще большей мукой. Ее терзало чувство вины, и с чувством вины в душу закрался страх. Пусть уж, решила она наконец, докучает своим присутствием, чем отсутствием.

Хоть Дора почему-то считала, что лучшие ее денечки уже позади, она была еще очень молода. Выросла она в лондонской семье скромного достатка. Отец умер, когда ей было девять, и мать, с которой они никогда особо не ладили, вышла замуж во второй раз. Восемнадцати лет Дора поступила в школу Слейда*, где платили стипендию, и проучилась там два года, пока не встретила Пола. Роль студентки художественной школы вполне устраивала Дору. Это и впрямь была единственная роль, которую она способна была играть с удовольствием. Из жалкого, неказистого подростка она в колледже превратилась в пухленькую, на персик похожую девушку; у нее водились небольшие деньги на карманные расходы, и она трати-

* Школа Слейда — художественное училище при Лондонском университете; основано в 1871 г.; названо в честь Ф. Слейда (1790—1868), филантропа и коллекционера произведений искусства.

4 ла их на широкие цветастые юбки, пластинки с джазом и сандалии. В ту пору, теперь казавшуюся невообразимо далекой, хотя минуло всего три года, она была счастлива. Дора, с запозданием понявшая, что значит быть счастливой, теперь тревожилась, что не может быть счастлива ни с мужем, ни без него.

Пол Гринфилд, тринадцатью годами старше жены, был искусствовед, сотрудник Галереи Куртолда*. Он происходил из семьи потомственных немецких банкиров и был человеком обеспеченным. Родился он в Англии, учился в английской школе и распространяться о происхождении своих предков не любил. О бирже и акциях помалкивал, но капитал всегда держал в обороте. Дору он увидел, когда пришел читать в училище лекцию о средневековой резьбе по дереву.

Предложение его Дора приняла без колебаний по многим причинам. Она пошла за него потому, что у него был безупречный вкус и квартира на Найтсбридже. Потому, что видела в нем натуру цельную и благородную. Потому, что он был таким взрослым — в сравнении с ее тощенькими нервными приятелями по училищу. Ну и немножечко из-за денег. Дора им восхищалась и была крайне польщена его вниманием. Она надеялась посредством «выгодного замужества» — как говаривала ее матушка (та буквально лопалась от зависти) — войти в общество, научиться хорошим манерам. Правда, тогда она слабо себе представляла, что это такое. Дора пошла за Пола еще и потому, что тот питал к ней прямо-таки демоническую страсть. Поклонником он был неистовым, романтичным; было в нем нечто экзотическое, что волновало ее воображение, изголодавшееся в бедной событиями жизни и не уто-

* Галерея Куртолда (Courtauld Institute Galleries) основана в Лондоне в 1932 г., славится ценным собранием картин; названа в честь фабриканта С. Куртолда, принесшего галерее крупный дар.

ленное детскими провинциальными забавами студенческого быта. Дора не то чтобы страдала комплексом неполноценности — она просто весьма невысоко себя ставила. И ее изумило, что Пол вообще обратил на нее внимание, и изумление это быстро переросло в восторг: как легко может она увлечь этого утонченного, искусственного человека. Она и не сомневалась, что сама влюблена в него.

Выйдя замуж и обосновавшись в квартире на Найтсбридже, в окружении уникальной коллекции резной слоновой кости, Дора поначалу вполне удачно справлялась с обязанностью быть счастливой. Но шло время, и она начала потихоньку понимать, что до идеала жены Пола не так-то просто дорасти. В воображении она рисовала себя просвещенной, самостоятельной дамой, но, побыв в качестве миссис Гринфилд около года, прежний свой идеал нашла недостижимым и невзлюбила его. Пол считал, что ей хочется оставить учебу, и она пошла на это с некоторым сожалением. Но так как была ленива и выказывала мало признаков таланта, то и вздохнула с некоторым облегчением. Пол, которого ухаживанье выбило из жизненного ритма, женившись, вновь с одержимостью, так нравившейся Доре, окунулся в работу. Пока Пол долгими часами просиживал в Куртолде или Британском музее, она изнывала от избытка свободного времени. Дора попыталась было держать квартиру в образцовой чистоте, да не посмела сдвинуть с места ни одной вещицы. Потом начала разводить долгие приготовления к званым обедам для друзей Пола — еду в таких случаях Пол обычно готовил сам. Все это ее радовало, но ощущения, будто это именно то, чего бы ей хотелось, не появлялось. Горделивая уверенность, которую поначалу вскормила в ней любовь Пола, мало-помалу улетучивалась. И в душу закрадывалось подозрение: Пол, столь настоятельно требовавший, чтобы она развивалась духовно, в какой-то мере подавляет ее. Он хотел научить ее всему сам, но

6 ни времени, ни терпения у него на это не хватало. Она, всегда обожавшая модные журналы и любившая опробовать новые «аксессуары», теперь не знала, как ей следует одеваться. Цветастые юбки и сандалии уже не годились. В конце концов, раздраженная замечаниями Пола, она купила пару безликих дорогих туалетов «на выход», которые казались ей невыразимо унылыми, и на этом вовсе прекратила покупать одежду. Непросто было тратить деньги и на что-то другое — она была не уверена в своем вкусе. Пол, как она втайне догадывалась, считал ее в чем-то вульгарной.

Друзья Пола были ей симпатичны, но и они внушали страх. Все они были очень умны, много ее старше, имели умных жен, внушавших ей еще больший страх. К ней они относились покровительственно, с шутливой снисходительностью. Кое-кто из них, как выяснилось, держал ее за бывшую балерину, и это, по Доринуму мнению, кое-что значило. Их с Полом часто приглашали в гости, но она ни с кем так и не подружилась. Один скрипач, правда, проявил к ней интерес и принялся расспрашивать о ее детстве, Дора было обрадовалась, но Пол приревновал, начал злиться, и потом среди гостей она скрипача уже никогда не видела. Перед свадьбой Пол предупреждал Дору о том, что они, по всей вероятности, будут ссориться, но добавил, что для искренне любящих такие перепалки — одна из забав супружеской жизни. Ссоры, а они начались довольно скоро, Доре никакого удовольствия не доставляли. После них она чувствовала себя униженной и опустошенной.

Дора начала чаще встречаться со старыми друзьями, особенно с Салли, та была помоложе Доры и продолжала учиться в Слейде. Она начала чувствовать — и чувство это было наполовину виноватое, наполовину вызывающее, — что она еще очень молода. Прежде ей льстило, когда студенты, обращаясь к Полу, говорили ему «сэр», теперь это ее огорчало. Салли позвала ее как-то раз на танцы в колледж. К танцам Пол испыты-

вал стойкое отвращение. После безуспешных уговоров Дора уехала одна и вернулась часов в шесть утра — пунктуальной она не была от природы. Пол устроил ей сцену, поразившую ее своим неистовством. С этого-то момента она и начала бояться Пола. Правда, она его ни в коей мере не осуждала. Тут в полном блеске проявилась ее неспособность ставить других на место. Пытаясь как-то себя выгородить, Дора выучилась льстить Полу или просто молча противостоять ему. И хотя самосознание в ней еще не заговорило, общение с этой устрашающей личностью все чаще напоминало ей, что она существует сама по себе.

Пол настаивал, чтобы у них были дети или по крайней мере один ребенок, и настаивал в твердой и собственной манере — как всегда, стоял на своем, когда дело касалось чего-то, что он допускал в свою жизнь. Семейные чувства в нем были сильны, сказывалась тоска по прошлому, по чопорности и церемонности семейных отношений. Он мечтал о сыне, маленьком Поле, которого мог бы наставлять и с которым когда-нибудь смог бы разговаривать как с равным, а то и как с соперником. Дора же леденела при одной только мысли о детях. К их появлению она была не готова, но и мер предосторожности никаких не принимала, что было типичным образчиком того ступора, в который она впадала, когда дело касалось Пола. Будь она способна к беспристрастной оценке своей ситуации, она бы поняла — ребенок даст ей независимое положение в окружении Пола, а этого ей так не доставало. В ее власти было превратиться в уважаемую и внушительную мать семейства, с мнением которой вынужден был бы считаться даже Пол. Жена-ребенок, она раздражала его своей жизнерадостностью, из-за которой он, впрочем, на ней и женился; материнство же, вне всяких сомнений, придавало бы ей значительность, не зависящую от ее личности, значительность, корнями уходящую в века. Но эти достоинства были Доре не по душе, да и

8 сознательно связывать себя было противно ее натуре. Хотя она и всецело находилась во власти Пола, ее никогда не оставляло ощущение, что она, как безответный, юркий зверек, всегда может улизнуть куда-нибудь. Перспективу же лишиться этой звериной юркости, разделившись на два существа, Дора не смогла бы вынести. Ей и не пришлось ее выносить. И хотя, к великому огорчению Пола и его друзей, она и щеголяла привязавшимся со студенческих лет выражением «для любви чего не вынесешь», на самом-то деле она бы с подобной ситуацией не справилась.

Доре с самого начала было ясно, Пол — мужчина страстный, и это ее очень привлекало в нем. В нем ощущалась мужественность, до которой ее приятелям в жизни бы не дорасти. Красавцем назвать его было нельзя, но внешность он имел впечатляющую. Черные блестящие волосы и темные усы, спускавшиеся по уголкам рта, не раз наводили Дору на мысль о том, что в нем была южная кровь. Нос был крупноват, рот резко очерчен, а глаза, чересчур светлые, похожие на змеиные, заставляли в училище трепетать всех, кроме Доры. Ей нравилось видеть в нем нечто строгое, даже безжалостное — особенно когда он был у ее ног. Нравилась ей и роль любовницы, дразнящей, но уже уступающей, и Пол восхищал ее бесконечными открытиями изощренной сексуальности и силой страсти, по сравнению с которыми прошлые ее любовные увлечения казались просто пресными. Правда, теперь она начала видеть его властность в несколько ином свете. Вконец ее огорчили грубость и эгоистичность, с которыми он разрушил прежний строй ее жизни. Ушло из нее что-то приятное и веселое.

Немного погодя Дора перестала пересказывать Полу все, что делала в течение дня. Она встречалась с друзьями, которых, она это знала наверняка, он едва ли одобрит. Был среди них и Ноэль Спенс, молодой репортер, шапочно знакомый с Полом. Когда он ловко передразнивал мужа, Дора поначалу бурно протестовала, думая,

что это принесет ей облегчение. Поведения своего Дора не одобряла. Но искушение уйти из элегантной квартиры-недотроги Пола и пропустить по рюмочке с Ноэлем или Салли было слишком велико. Дора пристрастилась к выпивке, и это ей нравилось. Для ловкой обманщицы она была чересчур беззаботна, так что Пол вскоре почувал неладное. Он подстроил ей «ловушку», она в нее попала, и начались свирепые объяснения. До предела расстроенного Пола кидало то в жестокость, то в сентиментальность, перепады эти вызывали в Доре страх и отвращение. Она стыдилась своего недостойного поведения, обещала исправиться. Но тяга к запретной компании, где она могла быть самой собой, была неодолимой. Не умевшая быть последовательной или расчетливой, Дора открыто переходила от одной тактики к другой и снова возвращалась к первой.

Дора стала чаще видеться с Ноэлем Спенсом и его беззаботными, любящими хорошенько выпить друзьями. В ней появилась, совершенно независимо от ее намерений, склонность к обманам. Дома Пол изводил ее расспросами и попреками, справедливости которых она не отрицала. Дора силилась ему объяснить, отчего она несчастна, но делала это так бессвязно, да и возмущенный Пол не хотел ее понять. Пол твердо знал, чего он хочет. Он заявил: «Я хочу работать и быть твоим мужем. Я хочу быть для тебя всем — как ты для меня». Дора была подавлена твердостью его намерений и унижена отказом внять ее жалобам. И коль скоро она не умела ни трезво судить о других, ни мысленно разложить по полочкам их поступки, она не могла ни принять требований Пола, ни отстоять своих. Наконец, повинувшись чувству обреченности, которое заменяло ей нравственные принципы, она ушла от Пола.

Дора отправилась поначалу к матери, но они сразу же поссорились. Пол, удостоверившись, что она и впрямь оставила его, прислал ей мелочное, вполне в его духе, письмо. «Как ты понимаешь, у меня по отношению к

10 тебе нет никаких законных обязательств. И все же я назначаю тебе сорок фунтов, они будут начисляться на твой счет до тех пор, пока ты не придешь в чувство и не вернешься. Я не желаю, чтобы ты жила в нищете. С другой стороны, едва ли ты вправе рассчитывать на то, что я буду щедро финансировать твой аморальный разгул, а в недалеком будущем, уверен, и адюльтер. Твое счастье, что ты можешь не сомневаться в моей любви. Она остается неизменной». Дора решила отказаться от денег — и приняла их. Сняла комнату в Челси. Вскоре у нее завязался роман с Ноэлем Спенсом.

Как только Дора избавилась от Найтсбриджа и тоски вечерних пререканий с Полом, она почувствовала сильное облегчение. Но вскоре ощутила, что у нее нет больше рядом другой жизни, в которой можно было бы укрыться, как в нише. Она все сильнее привязывалась к Ноэлю Спенсу. Тот оказался нежным и деликатным, он сказал ей: «Дорогая, живи у меня, будь моей, но помни только, что я самый легкомысленный человек на свете». Дора понимала — говорил он это, чтобы успокоить ее, но все равно была ему благодарна, и действительно успокоилась душой. Она жила в атмосфере наигранной, вымученной фривольности, мысленно рисуя себя бесшабашной богемной особой. Она старалась не вспоминать о том, какую рану нанесла Полу. Вспоминать Дора вообще не умела. Но она была слишком привержена традициям, чтобы не мучиться чувством вины и не переживать весьма болезненно свое положение. Она из сил выбивалась, лишь бы вернуть свою былую жизнерадостность. Потом начала бояться — вдруг явится Пол и силком принудит ее вернуться или же устроит Ноэлю сцену. Честно говоря, Пол не преследовал ее, но каждую неделю писал полные упреков письма. В этих письмах она с чувством отчаяния угадывала демоническую силу его воли, непрестанно сосредоточенную на ней, Доре. Она знала — он ее в покое не оставит. Лето она провела за выпивкой и танцами, занимаясь лю-

бовью да транжира деньги Пола на цветастые юбки и пластинки джазовой музыки. Затем, в начале сентября, Дора решила вернуться к мужу. 11

С июля Пол жил за городом. В одном из писем, на которые она никогда не отвечала, он обмолвился, что работает над чрезвычайно интересной рукописью XIV века, принадлежащей англиканскому монастырю в Глостершире. Его приютила светская религиозная община, живущая при монастыре. Место это очень красивое. Дору трогала верность Пола, но послания его она просматривала вполглаза, отыскивая в них угрозы, и тотчас рвала их, дабы не видеть его почерка. Так что почерпнула она из этих писем мало, разве что названия. Монастырь именовался Имбером, дом, в котором остановился Пол, Имбер-Кортом. По этому-то адресу и отправила Дора вымученное письмецо, полуизвиняющееся, полуобиженное, дабы известить мужа, что намеревается вернуться.

С обратной почтой она получила от Пола прохладную деловую записку, гласившую, что он будет ждать ее в пятницу: она должна сесть в 4.56 на пригородный поезд в Паддингтоне, а в Пенделкоте ее встретит машина. Он прилагал к записке ключ от квартиры — на случай, если она потеряла свой. Не могла бы она, кстати, захватить его итальянскую соломенную шляпу, темные очки, а также голубой блокнот из верхнего ящика письменного стола? Доре, которая очень расчувствовалась от того, что писала в письме, этого показалось маловато. Она-то думала, Пол примчится за ней в Лондон. И никак не предполагала, что ее так бесцеремонно вызовут в деревню. При мысли о встрече с Полом в столь странном окружении на нее накатила страх. Что это за религиозная община? Невежество Доры в вопросах религии, впрочем, как и во многом другом, поистине не знало границ. Она и веры от суеверия толком-то не отличала, а сама отошла от обрядов, когда обнаружила, что выучилась читать «Отче наш» не медленно, а скороговоркой. С такого рода верой она рассталась без всяких сожалений, а случая пересмотреть

12 свои взгляды на этот вопрос не представлялось.

Интересно, думала она, принимает ли Пол участие в религиозных обрядах? Они с ним торжественно венчались в церкви, правда, многие знакомые Пола отнеслись к этому с известной долей иронии. Но Пол следовал примеру отца и деда, желая предельно англизироваться во всем, что касается сословия и веры. Доре потребовалось определенное время, чтобы осознать это, и, когда она этой мыслью прониклась, ощущение прозрачности их отношений еще сильнее в ней укрепились. Более того, неприязнь к Полу-христианину перекрывала даже неприязнь к Полу-ученому, ибо с этой стороны для бедной Доры он был еще менее доступен. Верил ли Пол в Бога? Этого она не знала. Как только она поняла реальность существования Пола и в сознании ее уложилась мысль, что он существует, несмотря на эту странную разлуку, продолжает жить, думая о ней, осуждая ее, сердце у нее упало. Она решила не ехать.

К первоначальному решению она вернулась, переговорив с Салли, которая, как подозревала Дора, недолюбливала Ноэля и всегда благоволила к Полу, а также с Ноэлем, который был обеспокоен ее состоянием и не знал, что с ней делать. Вещи с Найтсбриджа Дора забирала с замиранием сердца: едва она открыла дверь и увидела знакомую обстановку, безмолвно укоряющую, ничуть не изменившуюся, только пропахшую нежилым духом, внутри у нее все сжалось. Она собрала кое-что и из собственной одежды. Побег ее был не таким уж внезапным, но совершенно неподготовленным. Близились пятница, страх вновь увидеться с Полом душил в Доре все прочие чувства. Она все время плакала, пока Ноэль вез ее к Паддингтону.

День был невыносимо жаркий. Они приехали задолго до 4.56, но поезд уже подали, и в нем было много народу. Ноэль отыскал место в уголке, поближе к проходу, забросил большой чемодан на верхнюю полку, на него — картонку с итальянской соломенной шляпой

Пола. Дора оставила на сиденье парусиновую дорожную сумку, и они с Ноэлем вышли на платформу. Глянули друг на друга.

— Уходи, не жди, — сказала Дора.

— У тебя зубы стучат, — ответил Ноэль. — Как это, интересно, у тебя получается? Никогда не наблюдал подобного феномена.

— Ох, заткнись.

— Выше нос, дорогая, — подбадривал ее Ноэль. — А то ты прямо олицетворение скорби. В конце-то концов, если тебе все опротивеет, ты всегда можешь смыть-ся. Ты же вольная птица.

— Ты думаешь? — пробормотала Дора. — Ну хорошо, хорошо, носовой платок я взяла. А теперь уходи, пожалуйста.

Они стояли, взявшись за руки. Ноэль — крупный мужчина с бледным, без единой морщинки лицом и бесцветными волосами. С виду мягкий, неуклюжий, очень обходительный, он был похож на большого игрушечного медвежонка. Он улыбнулся Доре, стараясь с участием, без иронии отнестись к ее настроению.

— Черканешь дяде Ноэлю?

— Если смогу...

— Ну-ну, давай без трагедий. Главное, не позволяй там этой публике внушать себе чувство вины. Из этого никогда ничего хорошего не выходит.

Он поставил ладони ей под локотки и слегка приподнял. Они поцеловались.

— Пламенный привет Полу.

— А пошел ты... Прощай...

Дора вошла в поезд. Теперь народу в нем было действительно полно, на каждой лавке сидели вчетвером. Прежде чем сесть, она быстро окинула себя взглядом в зеркале. Выглядела она, несмотря на все эти ужасные события, просто прекрасно. У нее было славное округлое лицо, крупный улыбчивый рот, большие серо-голубые глаза. Слегка подведенные, но не выщипанные, подвижные

14 брови взлет. Золотисто-каштановые волосы длинными прядями так прямо и решительно падали на плечи, что напоминали папоротник, свисающий со скалы. Все вместе выглядело весьма привлекательно. Ее внешность была совсем не такой, как когда-то.

Дора обернулась к своему месту. Полная дама слегка подвинулась. С омерзением чувствуя себя грузной, горячей, да еще в дорогой и безликой одежде, которую не надевала с весны, она втиснулась на сиденье. Как противно было сидеть впритык к чужому, жаркому телу. Юбка была тесна. Туфли на высоких каблуках жали. Да еще этот мерзкий запах — своего и чужого пота. День был чертовски жарким. И все же, отметила она про себя, ей повезло — хоть сидит, — и она стала с удовлетворением поглядывать в забитый людьми проход.

Какая-то престарелая дама, продравшись через толпу, остановилась у двери Дориного купе и обратилась к ее соседке:

— А, ты здесь, дорогая, я думала, ты ближе к головным вагонам.

Они довольно-таки мрачно переглянулись — леди перегнулась через притолоку, ноги ее были зажаты в куче вещей — и завели разговор о том, что никогда, мол, не видели в поезде столько народу.

Дора уже ничего не слышала — ужасная мысль ударила ей в голову. Ей придется уступить свое место. Мысль эту она от себя гнала, но та не отступала. Ну конечно. У пожилой дамы такой нездоровый вид, и будет правильно, если Дора, молодая и здоровая, уступит место, чтобы та села подле своей приятельницы. Кровь бросилась Доре в лицо. Куда спешить? Она затаилась и принялась обдумывать ситуацию. Вполне возможно, что, сознавая необходимость уступить место, она этого не сделает из чистого эгоизма. Да это в чем-то и лучше — чем если бы ей вообще не пришло в голову, что пожилым надо уступать место. По другую сторону от Дориной соседки сидел нестарый мужчина. Читал себе газету и, судя по

виду, о долге своем не помышлял. Может, Доре подождать, пока до него дойдет, что надо уступать место дамам? Дождешься, пожалуй... Дора оглядела соседней по купе. Никто не обнаруживал ни малейшего чувства неловкости. Лица соседней, не уткнувшись в книжки, лучились самодовольством, которое, верно, было написано и на ее собственном, когда она поглядывала на сутолоку в проходе. Правда, было еще одно обстоятельство. Она-то побеспокоилась о том, чтобы приехать заранее, и должна быть за это вознаграждена. Впрочем, эти дамы, может, не могли приехать раньше? Кто знает. И все же элементарная справедливость требовала, чтобы у тех, кто первым пришел на вокзал, были сидячие места. Старая дама прекрасно устроится и в проходе. В конце концов, в проходе полно престарелых дам, и никого это, похоже, не волнует, и меньше всего их самих! Дора терпеть не могла бессмысленных жертв. К тому же она изнурена переживаниями и заслуживает покоя. Хорошо ли будет, если она приедет на место совсем измотанной? Дора всерьез считала, что нервы ее на пределе. Места она решила не уступать.

Дора поднялась и обратилась к стоявшей даме:

— Присаживайтесь, пожалуйста. Мне недалеко, могу и постоять где-нибудь.

— Как это мило с вашей стороны! — воскликнула старая дама. — Я теперь могу сесть рядом с приятельницей. Знаете, у меня есть место — там, дальше. Может, мы поменяемся? Давайте я помогу вам перенести туда вещи.

У Доры на радостях вспыхнули щеки. Что может быть приятнее неожиданного вознаграждения за благородный поступок?

Она начала протискиваться через проход со здоровенным чемоданом, а пожилая дама несла за ней дорожную сумку и шляпу Пола. Продвигаться было нелегко, так что шляпе Пола, наверно, досталось. Поезд тронулся.

Когда они добрались до нужного купе, оказалось, что у дамы место у окна. Доре положительно везло. Посколь-